

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Гао Ханя
на тему: «ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ
Ф.Д. КРЮКОВА И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ»
по специальности 5.9.1 — «Русская литература и литература народов
Российской Федерации»

Несомненна научная ценность и новизна диссертационной работы Гао Ханя, исследующей литературное наследие Крюкова, изображение им жизни донского казачества конца XIX в. и первых двух десятилетий XX в. Осмысление творческой и общественной аксиологии писателя, сознания, психологии, образа жизни донских казаков в художественном восприятии Крюкова, проблематики и поэтики его прозы в литературном контексте обусловило тщательную проработку трудов, посвященных бытовому и экономическому укладу казаков как субэтносу, сложившемуся в результате исторического опыта, его особой военной организации, становления специфики культуры, самосознания, образа жизни, в целом этносоциальной организации. Методологическую и теоретическую основу диссертации составил обширный корпус научных трудов, соотнесенных со сферой теоретического и историко-литературного материала, в первую очередь, касающегося 1890-х–1920-х годов.

Внимание в ходе изысканий фокусируется на содержательных аспектах произведений Крюкова, одним из ключевых среди них является вопрос идентичности, ее месте в сознании и психологии донского казака. Эстетическая плоскость этих аспектов обусловлена географическими, социально-культурными, историческими факторами, обстоятельствами личной судьбы.

Донское казачество – этно-культурный и исторический феномен, генезис которого определяется пространственным и временным взаимодействием, если использовать терминологию М.М. Бахтина, – наделен уникальными чертами хронотопа. Его пространственная составляющая конкретизируется в пределах

земель, обстающих реку Дон (емко и точно суть этого локуса выражена в диалектизме, используемом в тексте донских писателей, – Обдонье), временная, с одной стороны, соотнесена с диахронией протяженнейшей многовековой ретроспекции, укоренённой в мифопоэтической стихии народного сознания, с другой – ярко являет себя в тектонических разломах начала XX века, связанных с потрясениями Первой мировой войны, революций 1917 года, Гражданской войны 1917–1922 гг. Донские казаки были не просто вовлечены в круговорот этих трагических событий, но оказались в самом его эпицентре, став самыми деятельными их участниками.

В работе представлены разные уровни и ракурсы осмысления составляющих этого «сюжетного узла», причем многоуровневый и разноплановый литературный контекст, который заявлен уже в названии темы и к которому диссертант последовательно обращается в ходе своего исследования, не только не исключает, а подразумевает внелитературные, тесно связанные с эстетической проблематикой сферы истории, философии, культуры. Такова, к примеру, определяющая для поэтики донских писателей, последовательно обнаруживаемая в произведениях Ф.Д. Крюкова, онтологическая дихотомия жизни и смерти, которая, в свою очередь, исторически обусловлена многовековым укладом казаков «воинов и пахарей». Мироощущение пограничья определяет бытие народа (субэтнуса или этноса), быт которого столетиями формировался на рубежах, на заставе, в повседневной необходимости совмещать созидание и защиту, умение с равным мастерством владеть, с одной стороны, плугом и косой, а с другой — шашкой и пикой. Собственно мотив бытия «у бездны на краю» оказывается органичным для такого образа жизни и для образного воплощения этого уклада в художественной литературе. Потому одним из системообразующих претекстов творчества Крюкова и шире, того литературного явления, которое можно определить как локальный «донской текст», является книга Л. Толстого «Война и мир», где мысль народная соотносится с неисчерпаемым многообразием художественных средств эпического освоения первичной

реальности, осмысленной как дихотомия сущностных состояний человеческого бытия.

В диссертации художественный мир Крюкова проецируется на обширный литературный контекст: фольклор, «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков», произведения русских писателей – классиков (А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Гоголь, Л. Толстой) и современников писателя (П. Васильев, Вс. Иванов, П. Краснов, И. Родионов, И. Сазанов, А. Серафимович, И. Шмелёв, М. Шолохов и др.) Содержателен осуществленный в работе анализ типологического генезиса архетипической для русской литературы темы казачества. Тема неисчерпаемая, и в работе контекстуально она представлена ёмко и самодостаточно, но, всё-таки, уместным представляется дополнить этот ряд. С темой казачества соотносится содержательный план поэмы Пушкина «Полтава», определившей пути формирования принципов пушкинского историзма. Помимо рассматриваемого в диссертации «Тараса Бульбы» Гоголя в русле этой темы нельзя не упомянуть «Страшную месть», «Вия». В связи с гоголевской линией значим посвященный теме казачества, обширный пласт южнорусской литературы: произведения И. Котляревского («Энеида»), зачинателя русской реалистической и бытовой прозы В. Нарезного («Славенские вечера», «Запорожец», «Бурсак»), Е. Гребенки («Чайковский»).

Среди современников Крюкова, обращавшихся к теме казачества, в ближнем для Крюкова кругу писателей-донцов необходимо назвать прозаика и драматурга Р. Кумова, в ряду «далековатых» – представителей поэтических модернистских течений: поэма В. Каменского «Степан Разин», лозунг ушкуйников: «Сарынь на кичку!», воспринятый и акмеистами, В. Нарбутом и М. Зенкевичем. Присутствие темы казачества в произведениях Нарбута и возникающие в её раскрытии параллели с творчеством Крюкова обусловлены сходным генезисом, фактами биографии двух авторов.

В исследовании Гао Ханя тщательно анализируется взаимодействие художественного мира Крюкова с литературным контекстом, что актуализирует такую насущную литературоведческую проблему, как осмысление бытования реализма как художественной системы на рубеже XIX–XX веков.

С одной стороны, исследователь, осваивая обширный материал, последовательно фиксирует в прозе Крюкова реалистические черты: историческую достоверность, жизнеподобие, обусловленные мироощущением, поэтикой писателя, его опорой на личный жизненный опыт, знание казачьего быта. Однако натурализм, документализм, фактографизм, отсылающие к заветам натуральной школы, соотносятся и с модернистской поэтикой. Автобиографизм прозы Крюкова, стремление к документальной точности соотносятся с лирическим началом, эмотивностью, субъектной формой, отражающей степень вовлеченности образа автора в структуру повествования.

Нельзя не согласиться с аргументированным тезисом о гуманистической, общечеловеческой основе идейно-тематического плана произведений Крюкова, наследующей традиции классического реализма, и, в то же время, нельзя не отметить и влияние на его творчество, особенно раннее, модернистской поэтики, трактующей отношения человека и среды сквозь призму романтического комплекса исключительности, противостояния индивидуума «среде и микросреде», интерпретируемой в качестве оппозиции героя и толпы. Этот комплекс рефлексии героя, исключаящего и исключаемого из субстанциального мира, противопоставленного ему, определяет суть образов студента Ермакова из рассказа «Казачка», главного героя «картинок станичной жизни» «Из дневника учителя Васюхина».

Писатель не сразу приходит к сдержанному психологизму, и в его произведениях, особенно в ранних, психологизм, как правило, нарочитый,

«объясняющий». Описательность, характерная для очерка, распространяется и на фиксацию внутреннего, душевного мира, переживаний, умонастроений. В этом ключе решен образ учителя Алексея Васюхина в рассказе «Из дневника учителя Васюхина». Само повествование, помимо персонажного жанрового уточнения «дневник», имеющее еще и авторское – «картинки станичной жизни», ведется в русле чеховской поэтики, а композиционно организуется с аллюзийными отсылками к пушкинским повестям Белкина и реминисценциями к лермонтовскому «Герою нашего времени». Типология героя здесь – явно модернистского толка, с романтической подоплекой, восходящей к байроническому, мрачному пессимизму.

Но ведь я... «культурный» человек. Разве это не показалось бы удивительным всем и каждому, не исключая и этой самой толпы? Да, может быть, и мне самому было бы стыдно после встретиться с знакомыми? Воображаю, какие улыбки были бы у некоторых местных дам и барышень! Как бы то ни было, а в данную минуту я чувствую только безнадежную тоску и полное одиночество.

Сам Крюков своё творческое кредо в 1903 году формулировал так: «Вкус у меня — устаревший; я держусь группы народников и в экономических, и в эстетических взглядах». Показательно, что эта, в некоторой степени нарочитая формула «строжайшего реалиста» и «бытопоклонника» приведена в письме не кому-нибудь, а А.И. Тимкову.

В диссертации представлен детальный анализ жанрового своеобразия произведений Крюкова с точки зрения взаимодействия порой весьма диффузных границ очерка и рассказа. И, все-таки, в целом принимая аргументы исследователя, нельзя не отметить, что очерковость, описательность в текстах Крюкова очень часто выступает как организующий принцип (в отличии, например, от Шолохова, для произведений которого характерна динамичная сюжетная структура). В связи с этим показательны так скрупулезно проанализированные в работе примеры использования портрета и пейзажа в качестве ключевых средств создания визуальных

образов, а также – емкий вывод о том, что очерк становится главным жанром периода революции и Гражданской войны.

Значим представленный в работе тезис об экзистенциальной подоплеке произведений Крюкова, обусловленной концептуальным пониманием автором казачьего быта, включающего повседневность в ее широком смысле. Уточнение творческих приоритетов Крюкова предпринято с учетом политических, общественных взглядов писателя.

Быт подразумевает бытие, многообразие казачьей жизни, полное противоречий – прагматичности и мечтаний, духовности и практичности, широты и мелочности, грубости и лиричности и проч. Исследование выявляет неразрывную связь онтологических аспектов с эстетическими, с творческим методом, жанровой проблематикой.

На обширном художественном материале произведений Крюкова осуществлен анализ системы персонажей, ключевых мотивов, выявлены и классифицированы лёгшие в основу сюжетных линий общественные, любовные, семейные, этнические конфликты, осмысленные как средства раскрытия постоянных тем произведений Крюкова: противопоставления или гармонии личной воли и долга, антитезы свободы и обстоятельств принуждения, страсти и рока, греха и наказания, инстинктов и высоких идеалов.

Наглядно показана обусловленность типологии персонажей – в том числе, рядовых казаков, матерей, жалмерок, – психологической индивидуальностью в сочетании с социальным статусом, станичной этикой, условиями воинской службы, этноментальной спецификой.

В ходе анализа мотивов и образов, а также – художественных средств визуализации можно было бы строже соблюдать хронологический подход, идти последовательно от ранних текстов к более поздним, что позволило бы более чётко обозначить тенденции идейно-эстетических и мировоззренческих исканий писателя.

В работе, в ходе сопоставительного анализа, убедительно доказано, что выведенные в прозе Крюкова психотипы соответствуют характерам казаков, описанных в прозе Вс. Иванова, П. Краснова, А. Серафимовича, И. Шмелева, М. Шолохова и др.

Привлечение обширного литературного контекста актуализировало ещё одну литературоведческую проблему: восприятия творчества Ф. Крюкова и других писателей, разрабатывающих тему жизни донского казачества, сквозь призму не «областничества», а локального текста, столько востребованного ныне в литературоведении «сверхтекстового единства».

Выявленные в ходе исследования идейно-эстетические аспекты художественного мира Крюкова и обстающего его литературного контекста писателей-донцов в полной мере обнаруживают наличие неповторимой (с точки зрения мифопоэтики, культуранцентричности, лингвистики и др.) «метафизической ауры» Обдонья, обуславливающей способность, по мнению Н. Е. Меднис, породить сверхтекстовое единство, в данном случае, локального донского текста. Диссертант ссылается на Ю.М. Лотмана и В.Н. Топорова, в рамках уточнения дополнительных смысловых кодов художественного текста, а также в восприятии пейзажных фрагментов сквозь призму мифопоэтической модели мира. Перспективным представляется осмысление осуществленных в работе открытий (в том числе, в сопряжении с проблематикой «локуса», интерпретируемого в качестве «образа родины») в проекции сверхтекстового единства и такого мало освоенного понятия как «локальный донской текст» (удалось обнаружить единственную «небольшую по объему, обзорную работу на эту тему В.И. Супруна «Локальный казачий текст в языке и литературе: от Ф.Д. Крюкова до Б.П. Екимова»).

Вместе с тем, указанные замечания, а точнее, пожелания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом

имени МВ. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени МВ. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Гао Хань заслуживает присуждения ученой степени кандидат филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Официальный оппонент:

кандидат филологических наук,

доцент кафедры новейшей русской литературы

ФГБОУ ВО «Литературный институт им. А.М. Горького»

КОЖУХАРОВ Роман Романович

18.04.2024 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

10.01.01 – русская литература

Адрес места работы:

123104, г. Москва, Тверской бульвар, д. 25,

ФГБОУ ВО «Литературный институт им. А.М. Горького»

кафедра новейшей русской литературы

тел.: 8 (495) 6940675; 8 (926) 9805167;

e-mail: r_k_md@mail.ru